
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

**ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. ЧАСТЬ I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ
И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ**

© 2013 г. А. Л. Журавлев*, Д. В. Ушаков**, А. В. Юревич***

*Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, директор Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института психологии РАН, Москва

**Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией психологии и психофизиологии творчества, там же

***Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора по науке, там же

Обсуждаются возможности психологии решать в системе социогуманитарных наук стратегические задачи развития российского общества. Из числа таковых к компетенции психологии относится, в частности, проблема оптимизации психологического состояния общества. Ее разработка предполагает движение в трех направлениях. Во-первых, развитие концептуального аппарата психологии, особенно в целях создания системы “концептуальных мостов” между психологией и социогуманитарными науками. Во-вторых, совершенствование существующих видов психологической практики и дополнение их новыми, позволяющими оптимизировать влияние среды на психологическое состояние человека. В-третьих, формирование и развитие этической стороны проблемы, на что необходимо обратить особое внимание. В первой части, представленной в данном номере журнала, анализируются факты, свидетельствующие о связи психологических и социально-экономических переменных. Показано, что они не могут быть сведены в единое целое в рамках существующих линейных моделей. Ставится задача разработки концептуальных представлений, позволяющих адекватно осмысливать их совокупность.

Ключевые слова: психология, социогуманитарные науки, конвергенция технологий, психологическая практика, оптимизация, психологическое состояние общества.

В современном мире проблема оптимизации жизни общества все более усложняется, требуя возрастающего участия науки. В этом контексте социогуманитарные науки, включая психологию, приобретают стратегическую роль. *Стратегической* мы называем такую науку или научную отрасль, которая соответствует следующим двум критериям. Во-первых, ее предмет должен относиться к сфере действительности, которая в определенный исторический период воспринимается обществом или государством как стратегически важная, то есть влияющая на мощь и конкурентоспособность страны или иным образом определяющая судьбы больших социальных слоев общества. Во-вторых, степень развития науки, ее понятийного аппарата, моделей действительности, методов эмпирического исследования и т.д. должна позволять получать в этой сфере практически значимые и полезные результаты. Эти два критерия далеко не всегда совпадают. Так, выработка больших энергий давно являлась важной

задачей, как военной, так и экономической, однако ядерная физика смогла подойти к ее решению только по мере развития своей концептуальной системы и других познавательных средств к середине XX века. До этого ядерная физика нередко рассматривалась как отвлеченная игра ума, почти что удовлетворение за государственный счет любопытства ученых относительно первоэлементов мира, а в Советском Союзе исследования в этой области в какой-то период даже не поддерживались как практически бесполезные. Когда же научные возможности ядерной физики позволили поставить задачу получения больших энергий, она превратилась в стратегическую науку, использовавшуюся в США и СССР как решающий фактор наращивания военной и промышленной мощи.

В разные исторические периоды различные науки в зависимости от актуальных потребностей развития общества и мощности собственно-

го познавательного аппарата рассматривались как стратегические. Если классическим примером из середины XX века была физика, взявшая на себя основной труд по реализации ядерного и космического проектов, то в настоящее время как фактор стратегического прорыва оценивается конвергенция так называемых НБИКС (нано-, био-, информационных, когнитивных и социальных) технологий [5]. В контексте данной статьи следует обратить отдельное внимание на последнюю букву этой аббревиатуры – социальные технологии, которые в рамках психологической проблематики тесно связаны с когнитивными технологиями, обозначенными предпоследней буквой. Если *естественные* науки привлекаются для выполнения технологических проектов, направленных на решение проблем, встающих в военной сфере, области энергетики, машиностроения, приборостроения, материалов и т.д., то *социогуманитарные* должны быть нацелены на развитие и использование ресурсов человека, его общностей, коллективов. Поскольку созидательные ресурсы человека лежат в основе всех общественных достижений, социальные науки обладают огромным практическим потенциалом.

Задача данной работы – посмотреть на современную психологию с позиции стратегических задач развития ресурсов человека, социальных групп, общества в целом и оценить дальнейшие перспективы.

РОЛЬ ПСИХОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Психологические факторы, как показывают многочисленные исследования, более подробно рассмотренные ниже, оказываются чрезвычайно важными в плане обеспечения стратегического могущества стран в современном мире. Но даже без специальных исследований, на уровне здравого смысла в последние несколько десятилетий стало очевидно, что менталитет – сила, которая способна решительно влиять на конкурентоспособность страны. Результаты реформ 1990-х гг. в России привели многих аналитиков к мысли о том, что заимствование и пересаживание успешных западных экономических и социальных институтов на отечественную почву оказалось неблагодарной задачей в том числе из-за недостаточного учета особенностей российского менталитета. При этом пример Японии, Китая и стран Юго-Восточной Азии показывает, что западный менталитет не является необходимым условием экономического успеха, возможны и иные пути,

принимающие во внимание культурные особенности народов [16].

Все это создает вызовы для психологии, поскольку к ее ведению относится значительная часть вопросов, связанных с менталитетом, в том числе исследование тонких механизмов его формирования, противостояния внешним воздействиям (“упорства”) и репродукции.

Обобщая, можно констатировать, что формируется *запрос на участие психологии в решении задач, связанных с психологическими факторами социально-экономических успехов общества*. Таким образом, если воспользоваться термином, предложенным А.В. Юревичем, речь идет о практической значимости “макропсихологии” как научной отрасли, которая изучает психологические свойства больших социальных групп и общества в целом [19].

В рассматриваемом контексте перед психологией встают практические задачи двух родов. С одной стороны, они включают совместную работу с экономистами, социологами, правоведами, политологами с целью снабдить их знаниями об особенностях людей, которые необходимо учитывать в их моделях и практических рекомендациях. Как писал академик Д.С. Львов, “экономист должен быть ... философом, психологом, историком, правоведом, географом, так же как и математиком” [6, с. 111]. В этом смысле важно, чтобы профессиональная психология формулировала выводы, которые представители общественных наук смогут использовать, разрабатывая политику страны, адаптированную к особенностям менталитета ее граждан.

С другой стороны, возникает вопрос о возможности *оптимизации психологического состояния общества*. Это могло бы выступить звеном, существенно облегчающим достижение социальных и экономических целей, а также позволяющим и само по себе привести к ценным улучшениям, а значит укрепить стабильность и выживаемость общества.

Реализация этих двух направлений могла бы повысить *стратегическое значение наук об обществе* в целом и одновременно показать практическое применение психологии и ее место в их рядах. Однако возникает вопрос о реализуемости в какой-либо обозримой перспективе столь глобальных замыслов.

Условием появления новых практических возможностей любой науки всегда является концептуальное продвижение. Возвращаясь к классическому примеру ядерной физики, легко вспомнить,

что технологии выработки гигантских энергий стали возможны в результате переосмысления физических реалий, выраженного в частности в знаменитой формуле $E = mc^2$. Условие возможности практического участия психологии в решении обсуждаемых вопросов – теоретическое осмысление взаимозависимостей между психологическими и социальными переменными. Эти взаимозависимости должны быть установлены путем построения “концептуальных мостов” между психологией и социальными науками через интеграцию собранного психологией огромного массива данных и локальных моделей в *целостный образ человека*, который коррелирует с моделями человека в социальных науках.

Социальные науки всегда используют те или иные модели человека: например, человека экономического, институционального, политического и др. Модели эти должны быть относительно просты, чтобы состоящая из описываемых ими агентов система была предсказуемой в своем поведении, а желательно, и допускающей математические вычисления. Поэтому эти модели являются абстрагированием отдельных сторон реального человека, на что указывает уже само их количество. В реальности человек может при определенных условиях приближаться к этим моделям, но никогда не сводится к ним. Именно психология способна определить, при каких условиях люди могут и хотят действовать как люди экономические, институциональные, политические и т.д. В этом заключены большие *потенциальные возможности психологии в плане взаимодействия с науками об обществе*.

В то же время большинство создаваемых психологией образов – человек когнитивный, обучающийся (бихевиористский) или, если позволить себе доведение до абсурда, пятифакторный – пока не представили существенного интереса для социальных наук. Наиболее ярким исключением является, пожалуй, человек ограниченно рациональный, разновидность когнитивного человека, в исследование которого большой вклад, отмеченный двумя Нобелевскими премиями, внесли Г. Саймон, Д. Канеман и А. Тверски. Представляется принципиально важным продолжение поиска и создание новых моделей человека, хорошо фундированных экспериментальными исследованиями и одновременно относительно простых и однозначных для того, чтобы выступать агентами в экономических и социальных теориях.

Указанные поиски должны идти во встречных направлениях со стороны психологов и представителей общественных наук, хорошим примером

чему было одновременное получение Нобелевской премии психологом Д. Канеманом и экономистом В. Смитом. Для психологии, однако, эти поиски предполагают существенное преобразование логики исследования, расширение представлений о научной рациональности и круга используемых методов, поскольку не могут ограничиться пределами направленного на идеал воспроизводимости лабораторного эксперимента, который сегодня является наиболее надежным путем к признанию психолога в научном сообществе. Поэтому, как будет показано ниже, теоретическое осмысление взаимосвязи психологических и социальных переменных – это не просто некоторое желательное дополнение к проводимым исследованиям, которым следовало бы заняться психологам, а специальная научная работа, требующая перемен в самой ее практике, методическом и концептуальном аппаратах психологии. В этом плане полномасштабное решение задачи оптимизации психологического состояния общества возможно только при опоре на соответствующий прогресс теории.

Следует признать, что мейнстрим современной мировой социальной и психологической науки базируется преимущественно в странах Запада. Вместе с тем для российского общества проблема менталитета приобрела большее практическое значение, чем для западноевропейских и североамериканских обществ, в которых более-менее плавная историческая эволюция обеспечила естественное “вызревание” общественных институтов и их достаточное соответствие менталитету. Наука – это общечеловеческий продукт, уходящий корнями в реальные проблемы людей и обществ. Связь социогуманитарных наук с проблемами общества является особенно органичной, поскольку общество и человек выступают их объектами. Так, один из крупнейших европейских социальных психологов С. Московичи утверждает: “...истинные достижения американской социальной психологии заключались ... в том, что в качестве предмета исследования и объекта ее теорий были взяты проблемы *ее собственного общества*. Ее достижениями явились как ее методы и средства, так и формулирование проблем американского общества в социально-психологических терминах и их рассмотрение в качестве объекта научного исследования. Таким образом, если все, что мы делаем – это лишь усвоение поступающей нам литературы ..., мы делаем не что иное, как перенимаем заботы и традиции другого общества: мы ведем теоретическую работу по решению проблем американского общества” [7, с. 210]. Данное высказывание, безусловно, не стоит воспринимать в качестве призыва построить

свою собственную социальную психологию и тем более отвергнуть те американские работы, которые составили весомую часть золотого фонда науки. Речь идет о том, чтобы, сохраняя несомненные теоретические и методические достижения, включить в рассмотрение более широкий круг проблем, в том числе и те, что не составляют предмета насущной заботы для общества, породившего наиболее крупные достижения в данной отрасли социальной науки.

В этом плане очевидно, что проблема менталитета находится на периферии забот западного общества и вспоминается в основном в контексте модернизации и демократизации стран третьего мира. Для российского общества, напротив, эта проблема является принципиальной, что должно побуждать отечественные социальные науки самостоятельно разрабатывать соответствующую область в приоритетном порядке. В противном случае социальная наука будет эффективна только в рамках того социума, где она была развита.

Безусловно, обладание собственной высоко-развитой фундаментальной естественной наукой является мощным локомотивом для экономики страны хотя бы потому, что только за счет занятий фундаментальной наукой формируется та среда, которая способна порождать результативные прикладные разработки и достойное высшее образование. Как следует из сказанного выше, есть дополнительное основание для развития социогуманитарных наук страной, претендующей на существенное место в мире: только собственные приоритетные исследования позволяют заниматься решением задач своего, а не чужого общества [9, 14]. Социогуманитарная наука, не знакомая с реальными проблемами своего общества, способна давать лишь рецепты, основанные на чужом опыте, и недоумевать по поводу горьких плодов их реализации.

Сколь бы развитым ни был концептуальный аппарат, наука может обрести стратегическую значимость для общества только при *наличии технологий*, которые конвертируют достижения этого аппарата в практические возможности. Необходимы реальные рычаги, с помощью которых можно оказывать влияние на психологические переменные в масштабах всего общества.

Сегодня включенность психологии в общественную практику очевидна: достаточно вспомнить, насколько велик спрос на услуги психологов на телевидении, радио и в печатных средствах массовой информации. При этом основная часть практической деятельности психологов состоит в оказании, безусловно, очень важных услуг

отдельным лицам и организациям. Эту деятельность трудно переоценить. *Психологический ком-форт* превращается в особо важный фактор, когда удовлетворение материальных потребностей достигает определенного уровня и “основным благом становится не товар, а ощущение” [19].

Эта деятельность институционализована в многообразных психологических службах, которые существуют на уровне целых регионов (например, Московская городская служба психологической помощи населению) и министерств (МЧС, МВД, ФСИН и т.д.).

В нашей стране весьма резонансным вкладом психологии в решение стратегических задач государства было *развитие инженерно-психологических исследований*, сопряженных с космическими и военными программами и т.д. Во многом именно на основании достижений инженерной психологии сложился тот социальный капитал, который позволил открыть в 1971 г. Институт психологии в системе Академии наук СССР [2].

Представляется, однако, что психология может и должна переходить к более крупным задачам. То, чем занимается сегодня практический психолог, консультирующий по семейным проблемам, работающий с трудным школьником, снимающий посттравматическое стрессовое расстройство, занятый бизнес-тренингами, может быть охарактеризовано как оптимизация психологических состояний индивида или малой группы. Выше была поставлена другая проблема: может ли психология предложить методы оптимизации психологического состояния общества в целом?

Конечно, оказание поддержки отдельным людям в решении их психологических проблем, особенно если это происходит в массовом порядке – это важнейший вклад в психологическое состояние¹ общества. Однако общество – не сумма людей. Отсюда возникает двойная задача.

С одной стороны, необходимо осмыслить деятельность психологических служб и индивидуально практикующих психологов как фактор оптимизации психологического состояния общества в целом. Следует создать обоснование, которое позволит закрепить общественное понимание важности деятельности различных психологических служб и структур. Рассматриваемые проблемы являются особыми в плане как исследовательских подходов, так и практики. Практическая деятельность психологов является предметом различного рода анализа на индивидуальном уровне, однако

¹ В данном контексте понятие состояния берется обобщенно, вне классической триады “процессы – состояния – свойства”.

сегодня наука все еще не располагает адекватными методами описания результатов их деятельности на макропсихологическом уровне.

С другой стороны, влияние на психологическое состояние общества оказывает не только индивидуальная работа психологов, но и многие другие очевидные и не очень факторы. Дружелюбный, требовательный или манипулятивный разговор шефа, поведение соседей по транспорту, искренность или своекорыстие приятелей, поток информации, исходящий от СМИ и многое другое – все это характеристики внешней среды, оказывающие влияние не только на текущие состояния людей, но и на формирование способов их поведения. *Стабильные паттерны*, характеризующие среду социума или микросоциума, определяют его психологическое состояние.

Следовательно, задача оптимизации психологического состояния общества не может быть решена без воздействия на эти стабильные характеристики среды или хотя бы на их весомую часть и предполагает создание новых технологий, оптимизирующих окружающую среду с психологической точки зрения. Необходимость разработки подобных технологий вновь отсылает к задачам совершенствования научного аппарата психологии, который только и может выступить основой их создания.

Наконец, стратегическая роль науки в обществе – это и колоссальная *моральная ответственность* для ее творцов. Возвращаясь к примеру с ядерной физикой, можно вспомнить драматические события, происходившие с Н. Бором, В. Гейзенбергом, Э. Ферми, и те решения, которые они принимали, исходя из своих личных принципов и убеждений. Возможно, перед лидерами социогуманитарных наук будущее поставит не менее сложный моральный выбор, и чем больше будут практические достижения этих наук, тем острее окажется выбор.

Ни одной из указанных выше проблем нельзя пренебречь при обсуждении перспектив психологии как стратегической науки. Без концептуального прогресса новая общественная роль психологии так же малореальна, как и без практических технологий. А без должного внимания к этическим проблемам научные достижения превращаются во франкенштейнов, опасных для своих создателей.

Из сказанного вырисовываются контуры проблем, которые должны быть освещены ниже. Вначале необходимо рассмотреть концептуальные вопросы места психологических факторов в обес-

печении достижений общества. В следующих частях статьи будут обсуждены перспективы психологических технологий и этические проблемы, сопровождающие их возможное внедрение.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАН

На начальных этапах анализа общественных процессов необходимым элементом является абстрагирование и создание *идеализированных моделей*, представляющих жизнь общества как зависящую от взаимодействия ограниченной совокупности относительно изолированных переменных. Когда такие модели созданы и начинают применяться к анализу реальных общественных процессов, происходит определение границ, за пределами которых их описания и предсказания теряют силу. Эмпирически выявленные связи необходимо на следующем этапе движения научной мысли рассмотреть в контексте более широких *представлений о детерминации*, очертив границы их существования и условия, при которых установленные связи обретают различные формы. На этом этапе возникает необходимость в *системном* (часто – *междисциплинарном*) *синтезе* подобных моделей, отражающем реальную *многоуровневую связь* явлений социальной жизни. Однако для того, чтобы появилась возможность системного синтеза, общественные науки должны пройти закономерный этап здорового редукционизма, на котором события в жизни общества сводятся к “срезу”, изучаемому отдельной наукой. Этот этап, помимо собственно познавательного значения, важен еще и для *самосознания* представителей соответствующей науки, и для *понимания научным сообществом значимости предмета* его исследований для общества и государства.

Психологи, создавая модели различных психических процессов, свойств и состояний, исходно не предназначали эти понятия для описания жизни общества. Однако постепенно, по мере проведения исследований в разных странах мира и появления кросскультурных сопоставлений стали накапливаться факты, указывающие на такую роль. Эти факты даже при поверхностном рассмотрении создают впечатление, что предмет психологии включает такие отношения и связи действительности, которые являются стратегически важными для современного общества. Они выполняют роль сигнала о “горячей” научной проблеме, что дает возможность сориентироваться научному сообществу, включает его эвристики,

направленные на поиск новых “залежей” закономерностей, подобно тому, как отклонение стрелки компаса может свидетельствовать о залежах руды.

В одной из предыдущих работ [3] мы уже имели возможность обсуждать психологические факторы, коррелирующие с социально-экономическими достижениями стран, что существенно облегчает задачу этой статьи. Поэтому ниже отметим лишь основные ориентиры.

В упомянутой работе объединены психологические факторы, относящиеся к разным сферам психологии (мотивация, ценности, способности и т.д.), разным историческим периодам (от Древней Греции до начала XXI века), измеренные разными методами (анализ текстов, кросскультурные опросы, сопоставительный анализ средних показателей психологических тестов в разных странах и т.д.), которые неизменно показывают высокую связь с социально-экономическими достижениями соответствующих стран. Такая конвергенция непохожих методов в отношении разнообразных объектов уже сама по себе заставляет признать чрезвычайно прочную взаимосвязь психологических факторов с социальными процессами.

Группы Д. Макклелланда в США [29], а затем и Х. Хекхаузена в Германии [11] оценили *мотивацию достижения* в различных странах в разные исторические периоды с использованием контент-анализа текстов (например, греческой лирики и эпиграмм, испанских стихов и романов, английских драм, путевых дневников и баллад, книг для чтения школьников и т.д.). Было показано, что высокая мотивация достижения предшествует эпохам экономического подъема. Аналогичные по смыслу результаты получены относительно изменения числа патентов в США, которое следовало за мотивацией достижения, возрастая до последних десятилетий XIX в., а затем снижаясь [18].

Вследствие получения таких результатов у Д. Макклелланда появляется идея возможности влиять на экономическое развитие стран через мотивацию. Если повышение потребности в достижениях предшествует экономическому росту, то не попробовать ли стимулировать эту потребность у населения страны, чтобы добиться экономического прогресса? Возможности влияния просматриваются, поскольку средовые, в частности семейные факторы, способствующие формированию у человека потребности в достижениях, психологам известны. Такой ход мысли с методологической точки зрения представляет собой “короткое замыкание”: он может быть в какой-то

мере обоснованным, только если наблюдаемая *корреляционная* связь является выражением связи *причинной*. Последовательность во времени – еще не доказательство причинности, а значит, от практических выводов следует воздержаться до момента, когда произойдет более точное установление характера связей.

Три крупных международных проекта при серьезном различии подходов к анализу *базовых систем ценностей*² пришли к общему выводу: ценности, принимаемые населением страны³, сильно коррелируют с экономическими и социальными достижениями. Вслед за Г. Хофстеде, который начал свою работу в 1960-х гг. [12, 21], свои подходы предложили исследовательские группы Р. Инглхарта [4] и Ш. Шварца [13, 30]. Характерно, что хотя в настоящее время не удалось прийти к единой классификации ценностных шкал для локализации страны в культурном пространстве⁴, однако, как бы ни измерялись культурные ценности, они остаются прочно связанными с социально-экономическими достижениями стран. Другими словами, даже при несовершенной системе измерения ценностные факторы оказываются столь значимыми, что постоянно коррелируют с достижениями.

Ценности связаны с такими показателями, как ВВП (индивидуализм по Г. Хофстеде, независимость по Ш. Шварцу), коррупцией (независимость по Ш. Шварцу), имущественным расслоением и применением насилия во внутренней политике (дистанция власти по Г. Хофстеде). Этот ряд легко продолжить. Корреляции во многих случаях превосходят $r = 0.70$.

В проектах исследования культурных ценностей используются опросники, распространявшиеся среди представителей различных слоев населения и социальных групп, включая сотруд-

² На примере этой проблематики хорошо видно переплетение тематики психологии и общественных наук. Ценности как таковые составляют характеристику общества и изучаются социологией, в то время как психология занимается принятием ценностей людьми, ценностными ориентациями и т.д.

³ Разные группы населения внутри одной и той же страны, конечно, различаются в плане ценностей [13]. Кросскультурные исследования, о которых идет речь в тексте, усредняют показатели относительно сходных выборок в разных странах.

⁴ Ситуация похожа на ту, что относительно недавно наблюдалась в сфере факторных теорий личности, когда трех-, пяти- и шестнадцатифакторные подходы выглядели одинаково достойными кандидатами на доминирование [1]. Результаты факторного анализа всегда зависят от материала, в данном случае – от содержания факторизируемых опросников.

ников международных корпораций. Интеллект оценивается по-другому: при помощи специальных задачных тестов, однако его показатели оказались столь же прочно связаны с достижениями стран.

Общий интеллект является сегодня наиболее весомым из известных психологии предикторов индивидуальных профессиональных достижений [10]. Отсюда у исследователей возникло предположение, что организации и их совокупности, состоящие из более интеллектуальных людей, а также целые области и государства могут более успешно вести экономические дела. Исследования призывников в армию США во время Второй мировой войны установили корреляцию между средним интеллектом населения и среднедушевым доходом штата [17]. Позднее аналогичные данные были получены в Великобритании, Франции и Испании [24–26]. Корреляции колеблются в диапазоне от $r = 0.61$ до $r = 0.81$.

В 2002 г. Р. Линн и Т. Ванханен показали высокую корреляцию среднего интеллекта стран с доходом на душу населения [33]. В работах Р. Линна содержится множество данных о связи интеллекта с социальными факторами. Так, национальный интеллект положительно коррелирует с такими различными показателями, как средняя продолжительность жизни, состояние здравоохранения в стране, развитие демократических институтов, число патентов и научных достижений, количество олимпийских наград, отрицательно – с рождаемостью, уровнем коррупции, распространенностью СПИДа и туберкулеза. В отношении счастья и удовлетворенности жизнью данные неоднозначны, но все же, по мнению Р. Линна и Т. Ванханена, интеллект не связан с этими показателями на уровне отдельных людей и коррелирует на уровне стран [28].

Мотивация достижения обеспечивает конкурентоспособность личности в сфере деятельности, требующей высокого напряжения сил, постоянного преодоления, в частности, в предпринимательстве [29]. Значение общего интеллекта проявляется больше в когнитивно сложных профессиях по сравнению с простыми, а в профессиях, классифицируемых как “человек-предмет” и “человек-знак” больше, чем в профессиях, обозначенных как “человек-человек” [20]. Этот важный вывод стал одним из оснований обращения к понятиям *социального и эмоционального интеллекта* [10, с. 80]. Для профессий, успех в которых связан с созданием принципиально нового, оригинального продукта, ведущую роль играет фактор *креативности*.

Кстати, по мнению цитированного выше Р. Линна, население восточноазиатских стран при более высоком, по сравнению с европейцами, интеллекте обладает менее высокой креативностью, что обусловлено более выраженными коллективистскими установками, и в результате, по оценкам Р. Линна, в последние несколько столетий внесло меньший вклад в копилку мировых достижений науки, техники и искусства. Международные исследования показали у жителей этих стран меньшую, чем у европейцев, открытость опыту (шкала “Большой пятерки”), которая является коррелятом креативности.

Резюмируя сказанное выше, стоит остановиться на нескольких пунктах.

Во-первых, очевидно, что исследования выявляют постоянные, повторяющиеся и весьма значительные связи между психологическими свойствами населения и социально-экономическими достижениями стран. Эти связи порой даже неправдоподобно частые. Создается впечатление, что любое психологическое свойство, оцениваемое в международном масштабе, обязательно будет коррелировать с социально-экономическими достижениями стран. Такие понятия, как мотивация достижения, ценностные ориентации и интеллект, возникли в психологии в очень разном контексте и практически не связаны между собой на индивидуальном уровне. Это дает основание предполагать, что механизмы их корреляций на межгрупповом уровне отличаются от механизмов, стоящих за корреляциями на межиндивидуальном уровне.

Во-вторых, многие корреляции находятся в диапазоне от $r = 0.60$ до $r = 0.80$, что, учитывая коррекцию на ненадежность измерений, представляет собой необычно высокий показатель для психологических исследований, для которых, по некоторым оценкам, высоким считается уровень, превышающий значения $r = 0.30$.

В-третьих, оценки психологических особенностей населения в цитированных исследованиях получены абсолютно разными методами. Это фактически означает, что наблюдается конвергенция процедур: разные методические подходы ведут к сходным результатам.

Таким образом, можно констатировать, что данные о связи психологических переменных с социальными постоянно воспроизводимы и надежны. Однако сами по себе, без теоретических интерпретаций, которые могут быть различными, они представляют, как уже отмечалось, лишь получаемый научным сообществом сигнал о

возможном существовании реальной проблемы. Этот сигнал достаточно ясен и постоянен, он не оставлен без внимания научным сообществом. Об этом свидетельствует растущее число кросскультурных исследований со своими методами, которые включают как специальные опросы в разных странах, так и обобщение результатов, проведенных в них сходных исследований с использованием статистической техники метаанализа. Кросскультурные исследования способствуют также формированию международной инфраструктуры, включающей ассоциации, симпозиумы, журналы и т.д.

Задача, однако, заключается в том, чтобы, все чаще получая сигналы о важных явлениях, осмыслить их теоретически и обнаружить порождающую их реальность.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАНЫ: НАПРАВЛЕНИЕ ВЛИЯНИЙ

Сказанное выше означает, что психологическая наука сумела выявить на индивидуальном уровне и измерить свойства, составляющие важные стороны различий людей. Выделению каждого из этих свойств на протяжении значительного временного периода предшествовала большая теоретическая и эмпирическая работа, включающая множество дискуссий, находок и неудач, нововведений, уточнений и отвержений. В результате создания и стандартизации методов измерения стало возможным проведение кросскультурных сравнений в отношении этих свойств. Представители экономической науки пишут: “К счастью для экономистов, психологи в XX веке вложили немало энергии в создание и совершенствование техники, направленной на измерение человеческого капитала, а именно тестов интеллекта” [22]. Это утверждение можно распространить и на другие конструкторы, о которых шла речь выше.

Таким образом, можно констатировать, что психологами создан достаточно мощный аппарат для описания свойств, имеющих серьезные социальноэкономические корреляты. Однако этот аппарат возник из сферы индивидуальной психологии. Социальная значимость этих свойств оказывается интересным “побочным продуктом”, не вытекающим непосредственно из того содержания, которое было в них исходно заложено. Вместе с тем настоящая статья и посвящается обсуждению путей исследования и практического использова-

ния этой неожиданно обнаруженной социальной значимости, являющейся свидетельством включенности психологических свойств в социальные процессы.

В результате оказывается, что приведенные данные сами по себе ничего не говорят о возможности их практического использования. Реакция на них по принципу “если факторы коррелируют с экономическими переменными, надо попробовать на них повлиять”, как уже отмечалось, в этом случае неадекватна, поскольку корреляционный анализ не позволяет оценивать механизмы влияний. Серьезный путь к практике проходит через осмысление механизмов, в рамках которых психологические факторы связаны с социально-экономическими достижениями. Это осмысление должно заключаться в изменении перспективы анализа, переводе его из индивидуального плана в социальный. При этом важны не столько внутренняя структура, биологическая и генетическая обусловленность, развитие в онтогенезе и прочие традиционно обсуждаемые психологами характеристики психологических свойств и механизмов, сколько их включенность в социальные процессы и связи.

Направление научного осмысления полученных фактов, которое наметилось в кросскультурных исследованиях, проходит “снизу вверх”: от имеющихся данных к простым (а это означает – линейным) моделям, которые могут быть протестированы на соответствие этим данным. Можно предположить, что психологические особенности населения влияют на социально-экономические показатели, но вполне естественно и *обратное, т.е. влияние* характера социально-экономической жизни на психологические особенности людей. Указанные модели в первую очередь позволяют проанализировать *направление связей*, для оценки которого обычно используется информация двух родов.

Во-первых, данные о *предшествовании* тех или иных явлений во времени. Если наблюдается корреляция явлений *A* и *B*, причем *A* предшествует *B* по времени, то *A* может быть причиной *B*, но *B* причиной *A* не является, поскольку мы не допускаем обратного во времени причинного влияния. Вместе с тем заключение по типу *post hoc ergo propter hoc* (“после этого, следовательно, по причине этого”), конечно, не является логически правильным. Можно допустить существование некоего третьего фактора *C*, от которого зависит как *A*, так и *B*.

Во-вторых, данные *путевого анализа* и других статистических методов, позволяющих находить

наиболее тесно взаимосвязанные цепочки событий (например, популярного среди психологов линейно-структурного моделирования, которое представляет собой фактически комбинацию путевого анализа с конфирматорным факторным анализом). Так же как и заключение о причинности на основании предшествования во времени, путевой анализ позволяет исключить некоторые варианты как невозможные. Однако он не дает основание считать модель, обладающую хорошим соответствием данным, отражением “истинной” причинно-следственной связи. Возможно, как и в предыдущем случае, наличие третьих факторов, которые являются причинами тех, что проанализированы в рамках путевых моделей.

В более общем плане со времен Д. Юма и И. Канта стало ясно, что каузальное объяснение не может опираться только на факты, вне самих *объяснительных моделей*. Причинность присутствует не в наблюдаемых фактах, а в их моделях, создаваемых людьми. Модели же, как настаивал К. Поппер, могут быть фальсифицированы, но не верифицированы относительно эмпирики [9]. Таким образом, на основании данных возможно отвержение некоторых причинных объяснений. Другие причинные объяснения признаются не противоречащими фактам, что, однако, не означает, что со временем их не придется снова пересматривать.

В свете сказанного проанализируем данные относительно тех психологических свойств, о которых в психологии накоплен достаточно большой объем информации, т.е. мотивации достижения, ценностей и интеллекта.

В исследованиях научных групп как Д. Макклелланда, так и Х. Хекхаузена связи *мотивации достижения* с социально-экономическими параметрами различных стран использовалась оценка предшествования во времени. Было показано, что мотивация достижения, выраженная в текстах для чтения, используемых младшеклассниками разных стран в 1925 г., предшествует экономическому росту, который произошел через четверть века, когда поколение выросло и стало определять положение дел в экономике страны. Мотивация достижения, отраженная в художественных произведениях, также является предиктором последующего развития мореплавания и т.д.

Логично выглядит, что люди, сильно мотивированные на достижение, могут быть эффективными двигателями экономики. Было бы странно, если бы мотивация достижения не приводила к реальным достижениям людей. Д. Макклелланд на основе идей М. Вебера о связи духа протестан-

тизма с капиталистическим производством и промышленной революцией и выдвинул предположение о том, что высокая мотивация достижения у населения побуждает к активной предпринимательской деятельности, которая через реинвестирование прибылей и стимулирование технических достижений способствует экономическому росту [29]. В контексте этой мысли мотивация достижения, формируемая у людей, оказывается производной от культурной среды общества, его религии и идеологии.

Таким образом, после прочтения трудов Д. Макклелланда может сложиться следующая *детерминационная схема*: “культурная среда → → психологические переменные → экономические достижения”. Однако изучение других работ показывает, что ее нельзя принять за универсальную.

В исследовательской группе Р. Инглхарта данные относительно *принятия ценностей* обрабатывались методом *путевого анализа*, который привел к иной схеме: “экономика → ценности → → демократические институты” [4]. Обоснование этой модели также достаточно убедительно. Р. Инглхарт считает, что увеличение благосостояния страны обеспечивает гражданам некий минимум условий, освобождающий их от необходимости жесткой борьбы за выживание. В результате этого и в соответствии с пирамидой (иерархией) потребностей А. Маслоу люди начинают реализовывать свои потребности более высокого уровня, что и означает выдвижение на первый план ценности самовыражения. Повышение ее веса и снижение статуса задач, связанных с выживанием, в свою очередь приводят к тому, что граждане предъявляют повышенные требования к институтам и процедурам реализации власти, в результате чего происходит общая демократизация страны.

Может быть, разница в результатах связана с различием психологических переменных: ведь в одном случае оценивалась мотивация достижения, а в другом – ценностные ориентации? Другие данные по ценностям показывают, что это не так. Так, Ш. Шварц, проведя путевой анализ в отношении данных об экономическом развитии ряда стран в 1993 и 2004 гг. и их культурных ценностях в 1995 г., показал *наличие двухсторонних связей* между ценностями и экономикой [30]. Правда, относительная сила этих направлений связи не может быть установлена ввиду того, что культурные ценности измерялись только один раз.

Есть, однако, и очень убедительные данные, показывающие устойчивость (“упорство”) культурных ценностей и их давние исторические

корни у различных национальных групп в современном мире. Например, у белых американцев ценность независимости оказалась отрицательно коррелирующей с годом отмены крепостного права в той европейской стране, откуда происходили их предки [23]. Таким образом, ценности у семей, живущих на протяжении многих поколений в одной стране, во многом зависят от их исторических корней, отделенных даже трехвековым периодом.

Что касается *общего интеллекта*, то анализ исторической хронологии показывает, что на протяжении XX века высокий интеллект по времени предшествовал экономическим достижениям. Япония, Южная Корея, Тайвань и Сингапур в начале 1960-х гг. имели низкие социально-экономические показатели и среднедушевой доход, однако при этом – весьма высокие показатели средних значений интеллекта. За этим последовал период бурного экономического роста, в результате чего эти страны вышли в ряд наиболее преуспевающих в экономическом плане.

Р. Линн и Т. Ванханен провели сопоставление данных о среднем уровне интеллекта стран в XX веке с ретроспективной оценкой их ВВП начиная с I-го г. после Р.Х. Корреляции получились значительными на протяжении всего периода оценки [28, с. 115–116]. В исследовании, проведенном (и это примечательно) экономистами, а не психологами, показано, что в экономических моделях роста параметром, хорошо его предсказывающим, выступает интеллект [22].

Совокупность имеющихся данных хорошо соответствует представлению о том, что общий интеллект связан с *потенциальным экономическим уровнем*, на который может выйти страна при отсутствии больших потрясений. Войны, революции, стихийные бедствия и тому подобные события отбрасывают страну вниз от этого потенциального уровня, снижая корреляции интеллекта с экономическими достижениями. Так, в результате событий конца 1980-х – начала 1990-х гг. в высокоинтеллектуальных странах Восточной Европы за счет увеличения числа стран, имеющих высокий интеллект при относительно низком ВВП, корреляция интеллекта с ВВП по всему миру в целом понизилась. По мере выхода этих стран из наиболее острой стадии социально-экономического кризиса корреляция опять стала расти.

В общей сложности можно констатировать, что объем информации о направлении связей между психологическими и социально-экономическими переменными постепенно нарастает, не прибавляя

однако ясности и пока не позволяя сложить целое из фрагментов. Для того чтобы этого достигнуть, конечно, полезны дополнительные эмпирические исследования, но главное – необходимо более глубокое теоретическое исследование.

Модели, которые обсуждались выше, предполагают линейные связи переменных, причем не рассматривают эти связи как опосредованные (“медирированные”) другими переменными. Линейные связи, конечно, наиболее удобны для анализа, однако представление о человеческом обществе, возникающее в результате их возведения в ранг всеобщих, выглядит неправдоподобным. Например, вряд ли мотивация достижения всегда столь однозначно связана с экономическими достижениями. Конечно, весьма правдоподобно, что она увеличивает активность предпринимателя, но не исключено и то, что она повышает и активность коррупционера. Другой пример – индивидуализм, по данным приводившихся исследований, выступающий полезным человеческим качеством для современной экономики. Вместе с тем вероятно, что в рамках других экономик, тех, где использовались большие массы людей, полезным качеством был бы коллективизм.

Такого рода соображения значительно снижают достоверность линейных моделей или по крайней мере устанавливают очень узкий диапазон условий, в которых они могут быть адекватны. Однако гипотезы о более сложном характере отношений между переменными могут быть выдвинуты только в рамках *содержательных представлений* об их взаимодействии. Лишь на основании четких содержательных гипотез имеет смысл строить более сложные модели, которые хуже поддаются вычислениям, но более правдоподобно описывают реальность. Линейная гипотеза всегда является первичной, выдвигаемой при отсутствии более тонких соображений.

Авторы кросскультурных исследований обычно дают *post factum* содержательную интерпретацию полученных закономерностей. Например, Р. Ингельхарт и Д. Макклеланд, как отмечалось выше, предлагают причинные схемы, в которые вписывают соответственно ценностные ориентации и мотивацию достижения. Однако эти причинные схемы фрагментарны, содержат, как правило, по одной психологической и социальной переменной. Проблема заключается в том, что локальных содержательных моделей для описания таких целостных объектов, как общество и человек, а тем более – их взаимодействия, недостаточно. Необходим максимально обобщенный подход, который позволил бы увидеть место различных

психологических переменных. Задача такого плана, однако, предполагает выход за пределы простого кросскультурного измерения переменных в разных странах с последующим построением линейных моделей. Необходимо провести общее теоретико-методологическое исследование, открывающее поле, на котором свое место могут найти отдельные локальные модели, предполагающие эмпирическую проверку, в том числе в кросскультурных исследованиях.

Таким образом, движение исследования снизу вверх – от имеющихся данных к простым моделям – может быть наиболее продуктивным в сочетании с движением сверху вниз – от общетеоретического анализа взаимодействия понятий, описывающих общество и психику, к простым, эмпирически верифицируемым моделям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итоги первой части статьи. В ней была поставлена проблема перспектив развития психологии в стратегически важную науку. Для этого психологам совместно с представителями наук об обществе необходимо проводить фундаментальную научную работу по наведению концептуальных мостов между психологическими явлениями и социально-экономическими процессами. Факты свидетельствуют о существовании мощных и постоянно воспроизводимых связей между теми и другими. Существующие упрощенные модели, однако, не позволяют осмыслить эти связи в их целостности. В последующих частях статьи будет предпринята попытка предложить систему понятий, направленную на то, чтобы навести необходимые концептуальные мосты. Будут обсуждены перспективы технологий, направленных на оптимизацию психологического состояния общества, а также практические и этические проблемы, которые могут возникнуть при развитии таких технологий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзенк Г.Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С. 9–23.
2. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Научные школы Института психологии РАН // Психология творчества. Школа Я.А. Пономарева. М.: Институт психологии РАН, 2005.
3. Журавлев А.Л., Ушаков Д.В. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспек-
- ты // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 5–13
4. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
5. Ковальчук М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. № 1–2. С. 13–23.
6. Львов Д.С. Миссия России // Сборник научных трудов под ред. С.Ю. Глазьева и Б.А. Ерзнкяна. М.: ГУУ, 2008.
7. Московичи С. Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. С. 208–228.
8. Поннер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983.
9. Рогов С. М. Россия должна стать научной сверхдержавой // Вестник РАН. 2010. Том 80. № 7. С. 579–590.
10. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 11–28.
11. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
12. Хофстеде Г., МакКрэй Р.Р. Возвращаясь к обсуждению личности и культуры: связь личностных черт и культурных осей // Социологический журнал. 2010. № 4. С. 9–41.
13. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 37–67.
14. Юревич А.В. К оценке вклада российской науки в мировую // Вестник РАН. 2011. Т. 81. № 7. С. 613–621.
15. Юревич А.В., Ушаков Д.В., Цапенко И.П. Оценка психологического состояния российского общества: количественный подход // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 4. С. 23–34.
16. Ясин Е.Г. Исследование культурных ценностей – общее дело социальных наук // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. Т. 5. № 2. С. 25–36.
17. Davenport K.S., Remmers H.H. Factors in state characteristics related to average A-12 V-12 test scores // Journal of Educational Psychology. 1950. V. 41. P. 110–115
18. De Charms R., Moeller G.H. Values expressed in American children's readers: 1880–1950 // Journal

- of Abnormal and Social Psychology. 1962. V. 64. P. 136–142.
19. *Florida R.* The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure and everyday life. New York: Perseus Book Group, 2002.
20. *Gottfredson L.G.* Why g matters: The complexity of everyday life // *Intelligence*. 1997. V. 24(1). P. 79–132.
21. *Hofstede G.* Culture consequences: International differences in work-related values. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
22. *Jones G., Schneider J.* Intelligence, Human Capital, and Economic Growth: A Bayesian Averaging of Classical Estimates (BACE) Approach, 2006.
23. *Kohn M. L., Schooler C.* Work and personality. Norwood, N.Y.: Ablex, 1983.
24. *Lynn R.* The social ecology of intelligence in the British Isles // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1979. V. 18. P. 1–12.
25. *Lynn R.* The social ecology of intelligence in France // *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1980. V. 19. P. 325–331.
26. *Lynn R.* The social ecology of intelligence in the British Isles, France and Spain // M.P. Friedman, J.P. Das and N. O'Connor (eds) / *Intelligence and Learning*. New York: Plenum, 1981.
27. *Lynn R., Vanhanen T.* IQ and the Wealth of Nations. Westport, CT: Praeger Publishers, 2002.
28. *Lynn R., Vanhanen T.* Intelligence: a unifying construct for the social sciences. London: Ulster Institute for Social Research, 2012.
29. *McClelland D.C.* The achieving society. Princeton, N.Y.: Van Nostrand, 1961.
30. *Schwartz S.H.* A theory of cultural value orientations: Explication and applications // Y. Esmer, T. Pettersson (Eds.) *Measuring and mapping cultures: 25 years of comparative value surveys*. Leiden, The Netherlands: Brill, 2007. P. 33–78.

PROSPECTS OF PSYCHOLOGY ON RUSSIAN SOCIETY PROBLEMS' SOLVING.

PART I. PROBLEM'S STATEMENT AND THEORETICAL-AND- METHODOLOGICAL AIMS

A.L. Zhuravlev*, D.V. Ushakov**, A.V. Yurevich

**Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, Director of the Federal State-Financed Institution, Institute of Psychology RAS, Sc.D. (psychology), Moscow;*

***Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, head of laboratory of psychology and psychophysiology of creativity, the same place;*

*** *Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, Deputy director the same place*

Possibilities of psychology to solve strategic problems of Russian society development in the system of social and humanitarian sciences are discussed. The problem of society's psychological condition optimization is the one attributed to the competence of psychology. Its statement supposes the elaboration of scientific conceptions in three areas. The first task is to elaborate conceptual apparatus of psychology in order to develop system of "conceptual bridges" between psychology and social and humanitarian sciences. The second task is to improve existing kinds of psychological practice and to supplement them with new, enable to optimize the influence of environment on person's mental state. The third task is to form and develop the ethic aspects of the problem and this problem is of special concern.

The facts testifying to the effect that there is correlation between psychological and socio-economic variables are analyzed in the first part of the article presented in the given volume. It is shown that they cannot be integrated within existing linear models. The task of conceptual notions' elaboration that will enable to comprehend them adequately is set.

Key words: psychology, social and humanitarian sciences. NBICS-technologies' convergence, psychological practice, optimization, psychological condition of society.
NBICC – nano-bio-info-cogno-socio.